

МНЕ семьдесят семь лет. Из них пятьдесят три года я служу на сцене. Именно служу. Лично для меня это не фраза, а отражение сути. В армии, кстати, тоже служат. Служат своей Родине, своему народу.

Выступать на сцене я начал в 1919 году, когда Казахстан был охвачен пламенем гражданской войны. Я был бойцом в отряде чрезвычайного комиссара Степного края Алибия Джангильдина. Понятно фронт идеологический и фронт боевых действий изначально для меня не делились. Мы, бойцы, — артисты джангильдинского отряда — инсценировали фельетоны, готовили по приказу командования агитконцерты. Пели: «Мы в бой пойдем за власть Советов». По сигналу боевой тревоги бойцы-артисты брали в руки винтовку, ложились к пулемету.

В 1920 году многие красноармейцы, и я в том числе, были отправлены на учебу. Меня приняли в Оренбургский Восточный педагогический институт. Став студентом, остался бойцом и артистом. Студенческие спектакли, концерты пользовались огромным успехом в рабочих и сельских клубах. В день открытия Первого съезда Советов Казахстана мы выступили с концертом перед его участниками. В первом ряду сидел мой командир Алибий Джангильдин.

В 1925 году Наркомпрос Казахстана вынес постановление об организации национального театра в Кызыл-Орде. Я был назначен режиссером. Приказ есть приказ. Надо — значит надо. Я делал все, что мог. И вот что стало для нас первой заповедью с первых дней творческой жизни: театр не просто сфера применения профессиональных способностей, а прежде всего дело почетного и ответственного служения своему Отечеству, своему народу. Эту нашу заповедь вскоре безоговорочно приняли и новые люди, пришедшие в театр нам на смену, — талантливые, профессионально более подготовленные. На этой заповеди стоял, стоит и стоять будет наш театр. Вечно.

История советского искусства начинается с агитационно-массовых представлений, Красных караванов, агитпоездов, Красных поездов...

В назначенный час, как по сигналу походной тревоги, мы, актеры-агитаторы, являлись на вокзал и сами грузили в Красный поезд костюмы, декорации. Красным поездом назывался отдельный вагон, иногда товарный, которому железнодорожники обеспечивали «зеленую улицу» как самому важному грузу. Вернувшись после спектакля, скажем, в Чимкенте, мы отыскивали свой вагон в тупике. Утром просыпались под перестук колес — нас уже прицепили, нас везут в другой город, в другой рабочий поселок, где расклеены афиши о прибытии Красного поезда.

Сегодня поездки актеров выглядят иначе и называются важно — гастроли. Особенно мне не нравится слово «гастролеры». Привкус ка-

кой-то не тот. Ну да не в этом дело. Готовясь к гастролем, я особенно остро чувствую себя актером-агитатором, актером-бойцом — в ушах звучит сигнал походной тревоги. Ныне, как всегда, я ездит со своим театром на гастроли. Мы были почти месяц в Башкирии. Нас ждали, очень хорошо встречали, горячо аплодировали. У меня была большая репертуарная нагрузка, слышал немало добрых слов в свой адрес, но осталось такое чувство, будто я, лично я, сражался не на передовой, а тащился в обозе. Постараюсь объяснить. Я не устал больше, чем обычно. Мой возраст тут ни при чем. В «кобоз» вытолкнули

му месту в ней я назвал бы нравственным максимализмом, в высшей степени присущим советскому характеру. Почему нашим сегодняшним драматургам это малоинтересно?

Театр воспитывает зрителя и сам воспитывается на большой драматургии. Я подчеркиваю — сам воспитывается, потому что считаю это чрезвычайно важным.

Большим событием в жизни республики, огромным событием в жизни нашего театра стал спектакль «Человек с ружьем», в котором Елеубай Умурзаков первым из артистов Казахстана и Средней Азии создал сценический образ Влади-

куру, не пью, потому что таков был закон в боевом отряде Джангильдина. Таков был закон в казахском театре с первых дней его жизни. Неужели сегодня я соглашусь мириться, например, с пьянством? С полной ответственностью заявляю: у нас в театре такое не потеряет! Те, кого мы брали в оборот, знают это, держат себя в узде. Ну, а тот, кто не держит... Недавно мы уволили одного способного актера, но не имеющего права быть в нашем коллективе по своим моральным качествам.

«Мне хочется пламенеть духом своего времени», — говорил Мейерхольд. Нельзя на сцене пламенеть, а за сценой коптить. Служу в театре — значит, служу обществу, служу Родине. Яркий пример гражданского служения — жизнь таких бессмертных казахских артистов, моих друзей-сверстников, как Калибек Куанышпаев, Куляш Байсеитова. Они были депутатами Верховного Совета Казахской ССР, общественными деятелями.

Мой возраст дает мне право говорить без ложной скромности: я горжусь тем, что был депутатом Верховного Совета КазССР пяти созывов и сумел кое-что сделать, сумел кое в чем помочь моим избирателям. Работа депутата очень помогла мне как актеру.

Я убежден: то, что художник делает в своей будничной жизни, либо выше подымает его искусство, либо подрывает его. Мне могут возразить: все зависит от силы таланта. Дескать, когда, например, народная артистка СССР Сабара Майканова гениально перевоплощается в образ айтматовской Толгонай, причем тут ее личные, человеческие качества, кто знает о ее личном максимализме? Знаю я, следящий за Сабирой с первых дней ее жизни в искусстве. Знают коммунисты театра, десятый год избирающие ее своим партийным секретарем. Она сама знает. И зрители не могут это не чувствовать.

На сцене и на экране нашел зрительское признание молодой актер нашего театра Асанали Ашимов. Наверное, вы тоже запомнили его по фильму Шакена Айманова «Конец атамана». Асанали исполнил там роль безупречного чекиста Эльхана. Недавно на партийном собрании мы, коммунисты театра, приняли Асанали Ашимова в члены партии, потому что он достоин этого как человек, потому что он имеет право сказать: служу в театре.

Те, кто идет служить в театр, должны помнить воззвание Наркомпроса 1919 года:

«Товарищи!

Театр — народная радость и народное дело.

Театр — сила, соединяющая людей в общении восторга и разумения, ликования и скорби, решимости и надежды.

Театр — сила, организующая народную душу, выковывающая и выражающая народную мысль и волю народную...»

АЛМА-АТА.

ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ —
БОЕЦ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА

СЛУЖУ

- Театр — народная радость и народное дело
- Оружие актера-бойца
- Вечен в сердце походный сигнал

В ТЕАТРЕ

Серкалы КОЖАМУЛОВ,
народный артист Казахской ССР

меня мои роли. Вышло так, что во всех спектаклях я играл ханов, баев и сам себя ощутил этаким музейным экспонатом.

«Кобланды», «Айман Шолпан», «Карагоз»... Позавчерашний день. Но пьесы, ничего не скажешь, хорошие. Потому мы за них и держимся. Новых-то нет. Во всяком случае мало. Сегодняшние драматурги держат нас на скудном пайке, да и сами зачастую питаются какими-то крохами жизни, не замечая общественно значимых, крупных явлений наших дней.

Когда хотят определить место того или иного театра на передовой линии идеологического фронта, обычно в первую очередь анализируют репертуар: какие идеалы проповедают? Что ненавидите? Известно ли вам, чем сегодня живут люди, какими мечтами и заботами? Что насущно важное для себя несут зрители с ваших спектаклей? Чем вы их взволнуете? О чем заставите думать, когда они вернутся домой из театра? Попытаются переосмыслить свои поступки и решения, сверить их с поступками ваших героев или заснут безмятежно?

Актерские силы, которые еще есть, хотелось бы вложить в работу над образом своего сверстника, современника. Говоря это, я думаю о рисоводе, дважды Герое Социалистического Труда Ибрае Жахаеве, о председателе колхоза, дважды Герое Социалистического Труда Нурмулде Алдабергенове... Отношение таких людей к жизни и свое-

мира Ильича Ленина. Это было тридцать пять лет назад. На спектакль культпоходом шли рабочие, студенты, приезжали колхозники из окрестных аулов. Посещение этого спектакля было внесено в планы идейно-воспитательной работы партийных и комсомольских организаций столицы.

Через тридцать лет после «Человека с ружьем» в Казахском академическом театре драмы имени М. Ауэзова появился спектакль «Ленин в 1918 году». И опять — культпоходы рабочих, студентов. Заявки из совхозов, колхозов. Посещение спектакля «Ленин в 1918 году» внесено в планы идейно-воспитательной работы многих партийных и комсомольских организаций.

А для нас, актеров... Я думаю, что коллектив, сумевший подняться до высокого творческого осмысления образа Владимира Ильича, поднимается на целую голову выше.

Оружие актера-бойца — не только талант и репертуар, не только костюмы и декорации, но и он сам как человек, как личность. Если есть несоответствие между тем, что актер проповедует и исповедует, сцена высветит — не скроется. Решил служить на сцене — будь готов, что с тебя спросят по самому высокому счету, а ты сам обязан быть по отношению к себе суровым судьей.

Я знаю, у нас в театре иногда говорят: Серке крут, Серке нетерпим. Да, я крут и нетерпим к тому, что нельзя терпеть, с чем преступно мириться. Всю свою жизнь я не